

Нет автора

**Вопросы философии и
психологии: Книга 68**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 101
ББК 87
Н57

Н57 **Нет автора**
Вопросы философии и психологии: Книга 68 / Нет автора – М.: Книга
по Требованию, 2021. – 372 с.

ISBN 978-5-458-04717-3

Вопросы философии и психологии. Состоит из 137 книг.

ISBN 978-5-458-04717-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

гическія условія не имѣютъ ничего общаго съ апіорными условіями познанія.

Для объясненія этого различія возьмемъ въ примѣръ какое-нибудь психофизиологическое условіе воспріятія, напр. условіе одиночнаго видѣнія предметовъ. Какъ извѣстно, этотъ процессъ нѣкоторые объясняютъ тѣмъ, что у насъ отъ такъ называемыхъ соотвѣтственныхъ точекъ обоихъ глазъ отходятъ нервныя нити, которыя въ извѣстномъ мѣстѣ соединяются въ одну нервную нить, проводящую возбужденіе въ одно мѣсто мозга, вслѣдствіе чего и происходитъ одиночное возбужденіе, результатомъ котораго является одиночное видѣніе предметовъ ¹⁾. У насъ, слѣдовательно, имѣется на лицо опредѣленный анатомическій механизмъ, который производитъ то, что мы воспринимаемъ предметы просто, а не вдвойнѣ. Этотъ механизмъ у однихъ организмовъ функционируетъ болѣе совершенно, у другихъ менѣе совершенно. Отъ большаго или меньшаго совершенства его зависитъ и совершенство самого воспріятія.

Эти механизмы, благодаря индивидуальному опыту, могутъ усовершенствоваться и въ усовершенствованномъ видѣ передаваться по наслѣдству. Въ этомъ смыслѣ о нихъ можно сказать, что они являются для того или другого индивидуума врожденными. Но степень врожденности того или другого физиологическаго механизма, обусловливающаго познаніе или воспріятіе, настолько неопредѣленна, что мы даже не въ состояніи провести границы между врожденными условіями воспріятія и между условіями воспріятія, пріобрѣтенными индивидуальнымъ опытомъ. Когда у насъ имѣется какое-либо воспріятіе, то мы не въ состояніи опредѣлить, чтѣ въ этомъ воспріятіи обусловливается врожденными условіями и чтѣ приходится на долю индивидуальнаго опыта.

Если наличность этихъ аппаратовъ мы назовемъ физиологической врожденностью, то мы должны будемъ признать, что физиологическая врожденность безгранична, потому

---

¹⁾ См. *мою*. Проблема воспріятія пространства, ч. 1-я, стр. 260 и д.

что все, что мы воспринимаемъ, является результатомъ физиологическихъ условій, составляющихъ достояніе нашего организма.

Для сопоставленія врожденныхъ физиологическихъ условій съ апріорными условіями познанія обыкновенно приводились слѣдующія основанія: Кантъ думалъ, что мы не можемъ познать вещей, такъ какъ онѣ суть сами въ себѣ; мы познаемъ ихъ постольку, поскольку мы къ нимъ примѣняемъ формы пространства и времени. Пространство же и время суть наши субъективныя формы. Слѣдовательно, мы можемъ познавать вещи лишь потому, что нашему уму присущи формы пространства и времени: формы нашего ума, такъ сказать, *обуславливаютъ* познаніе вещей. Но физиологія доказала, что и другія качества вещей напр., цвѣтъ, звукъ и т. п., также обуславливаются извѣстными особенностями нашихъ воспринимающихъ органовъ. Если бы нашъ глазъ или ухо не были устроены такъ, какъ они устроены, то мы не были бы въ состояніи воспринимать цвѣтовъ и звуковъ такъ, какъ мы ихъ воспринимаемъ. Самое существованіе цвѣтовъ, звуковъ и прочихъ чувственныхъ качествъ обуславливается наличностью у насъ тѣхъ или другихъ аппаратовъ. Слѣдовательно, подобно тому, какъ формы пространства и времени обуславливаютъ воспріятіе вещей, такъ и физиологическія особенности строенія нашихъ органовъ чувствъ обуславливаютъ воспріятіе чувственныхъ качествъ. Поэтому мы имѣемъ право сопоставлять обуславливаніе при помощи формы сознанія съ тѣмъ обуславливаніемъ, которое производятъ наши органы чувствъ.

Сопоставленіе апріорныхъ формъ съ физиологическими условіями познанія, кромѣ указанныхъ соображеній, основывается и на томъ, что многимъ кажется необходимымъ истолковывать ученіе объ апріорности въ физиологическихъ терминахъ. Многіе предполагаютъ, что теорія апріорности только тогда приобрѣтетъ научный характеръ, когда апріорность будетъ сведена на физиологическія основы, или когда будутъ указаны физиологическія основы апріорныхъ

понятій. Это мнѣніе очень распространено въ наше время, когда фізіологическое толкованіе психическихъ явленій для многихъ представляется не только идеальнымъ, но даже вполне возможнымъ.

Первый толчокъ къ фізіологическому толкованію априорности далъ, какъ кажется, *Шопенгауэръ*. По крайней мѣрѣ, у него мы находимъ такое толкованіе впервые.

По мнѣнію Шопенгауэра, величайшая заслуга Канта заключается въ отдѣленіи „вещи въ себѣ“ отъ явленія, въ признаніи, что познаваемы могутъ быть только явленія, которыя создаются при помощи формъ нашего сознанія: пространства, времени, причинности. Кантъ, по мнѣнію Шопенгауэра, является продолжателемъ Локка. Этотъ послѣдній показалъ, что такія свойства вещей, какъ цвѣтъ, запахъ, твердость и т. п., въ дѣйствительности принадлежатъ нашимъ чувствамъ, т.-е. представляютъ нѣчто субъективное, но при этомъ онъ находилъ, что такъ называемыя первичныя свойства (пространство, движеніе и проч.) принадлежатъ самимъ вещамъ. Кантъ показалъ, что и эти свойства вещей принадлежатъ только явленію вещей: они обусловливаются нашей познавательной способностью, потому что условія этихъ свойствъ: пространство, время, причинность суть только „формы“ нашего познанія ¹⁾.

По мнѣнію Шопенгауэра, въ Кантовскомъ пониманіи былъ весьма важный пробѣлъ, который заключался въ томъ, что онъ не далъ никакого фізіологическаго толкованія своему ученію; въ глазахъ Шопенгауэра это было односторонностью. Желая устранить эту односторонность, онъ, по его собственнымъ словамъ, старался „дополнить Канта Кабанисомъ“. Считая, подобно этому послѣднему, умъ функціей мозга, онъ, говоря о познавательныхъ способностяхъ, безразлично употребляетъ то терминъ „мозгъ“, то умъ“ ²⁾.

Переведа такимъ образомъ умственные процессы на фізіо-

1) Напр., Satz vom Grunde § 22.

2) Werke изд. Griesebach'a. В. I. стр. 534.

логическія основанія, Шопенгауэръ открылъ для себя возможность отождествленія субъективности апіорныхъ формъ съ субъективностью ощущеній. Подобно тому, какъ ощущенія находятся въ органахъ чувствъ, такъ и формы пространства и времени находятся въ мозгу. Локкъ вычелъ отъ „вещей въ себѣ“ то, что принадлежитъ дѣятельности органовъ чувствъ, Кантъ въ послѣдствіи сдѣлалъ гораздо больший шагъ: онъ вычелъ то, что принадлежитъ дѣятельности нашего мозга. Объективный міръ, безграничный въ пространствѣ и безконечный во времени, есть „только извѣстнаго рода движеніе или же аффекція мозговой каши въ черепѣ“.

По Шопенгауэру, мозгъ созидаетъ внѣшній міръ. Чувства содержать нѣчто исключительно субъективное. Только присоединеніе формъ ума дѣлаетъ содержаніе чувствъ объективнымъ. Ощущеніе само по себѣ есть нѣчто исключительное, субъективное. „Ибо ощущеніе всякаго рода есть и остается процессомъ въ самомъ организмѣ, но, какъ таковой, ограниченъ областью подкожной, поэтому оно само по себѣ ни въ какомъ случаѣ не можетъ содержать чего-либо такого, что лежало бы за предѣлами этой кожи, слѣдовательно, внѣ насъ.... Только послѣ того, какъ разумокъ (Verstand), эта функція ...столь искусно, столь загадочно устроеннаго, вѣсящаго три, а въ исключительныхъ случаяхъ пять фунтовъ мозга, вступить въ дѣйствіе и примѣнить свою единственную форму: законъ причинности, происходитъ могучее превращеніе, такъ какъ изъ субъективнаго ощущенія получается объективная интуиція“.

При помощи такого же приложенія формъ разсудка получается объективный міръ зрительнаго чувства. Непосредственно данное здѣсь ограничивается ощущеніемъ ретины, которое имѣетъ чисто субъективный характеръ, т.-е. находится лишь внутри организма, и только когда умъ прилагаетъ форму пространства, мы получаемъ объективный міръ ¹⁾.

---

¹⁾ Satz vom Grunde, § 21.

Для того, чтобы изъ ощущеній получился объективный міръ, необходимо, чтобы разумокъ примѣнилъ какъ форму пространства, такъ и форму причинности. Для построения міра особенно важной является именно эта послѣдняя форма. Разумокъ воспринимаетъ данное ощущение тѣла, какъ дѣйствіе, которое, какъ таковое, необходимо должно имѣть свою причину. Эту причину разумокъ помѣщаетъ въ определенномъ мѣстѣ пространства и вслѣдствіе этого изъ субъективнаго ощущенія получается объективная интуиція. Во всякомъ опытѣ уже заключается примѣненіе закона причинности. Поэтому законъ причинности, обуславливая опытъ и не завися отъ него, долженъ считаться апіорнымъ. Разумокъ, слѣдовательно, создаетъ объективный міръ, перерабатывая ощущенія при помощи своихъ формъ: пространства, времени, причинности.

Для осуществленія этого необходимо, чтобы „интеллектъ до всякаго опыта носилъ съ себѣ интуицію пространства, времени, причинности“. Въ интеллектѣ, по мнѣнію Шопенгауэра, „преформированы: пространство, какъ форма интуиціи, время, какъ форма измѣненія, и законъ причинности, какъ регуляторъ возникновенія измѣненій. Готовое и всякому опыту предшествующее существованіе этихъ формъ и составляетъ именно интеллектъ.

Такимъ образомъ Шопенгауэръ принимаетъ въ извѣстномъ смыслѣ реальное предсуществованіе формъ. Эти формы физиологически представляютъ „функцию мозга, которой онъ также мало научается изъ опыта, какъ желудокъ пищеваренію или печень выдѣленію желчи“¹⁾.

Таково физиологическое истолкованіе апіорныхъ понятій, которое давалъ Шопенгауэръ.

У Гельмгольца²⁾ мы находимъ еще болѣе отчетливое указаніе на тожество апіорныхъ понятій съ физиологическими условіями воспріятія чувственныхъ качествъ.

¹⁾ Ib. § 21.

²⁾ Vorträge u. Reden, B. II, 1884, стр. 222—227 (ст. Die Thatsachen in d. Wahrnehmung) Physiologische Optik § 26.

Гельмгольцъ подъ теоріей познанія понимаетъ изслѣдованіе отношенія между субъектомъ и объектомъ. Она должна выдѣлить то, что принадлежитъ субъекту, отъ того, что принадлежитъ объекту. „Философія,—говоритъ онъ,—старается выдѣлить въ нашемъ знаніи и представленіи то, что проистекаетъ изъ воздѣйствія тѣлеснаго міра, и то, что принадлежитъ собственной дѣятельности духа. Кантъ развилъ ученіе о формахъ мышленія, данныхъ до всякаго опыта, или какъ онъ ихъ назвалъ, трансцендентальныхъ формахъ интуиціи и мышленія. Изслѣдованія по физиологіи органовъ чувствъ, сдѣланныя І. Мюллеромъ, и его законъ *специфической энергии* совершенно подтвердили ученіе Канта, именно, что существуютъ опредѣленные условія, которыя, такъ или иначе, обусловливаютъ воспріятіе объективнаго міра. У Канта пространство и время суть такія условія. У Мюллера это извѣстныя свойства, присущія органамъ чувствъ“.

Различія между ошущеніями зависятъ не отъ рода внѣшняго возбужденія, которымъ вызывается ошущеніе, но опредѣляются исключительно *свойствами* нервовъ, возбуждаемыхъ внѣшнимъ впечатлѣніемъ. Возбужденіе зрительнаго нерва даетъ въ результатъ только цвѣтотыя ошущенія, будетъ ли оно исходить отъ объективнаго свѣта или отъ какихъ-нибудь другихъ причинъ, напр., отъ электрическихъ токовъ, проводимыхъ черезъ глазъ, или отъ давленія на глазное яблоко. Слѣдовательно, нервъ обладаетъ специфическимъ свойствомъ отвѣчать на различныя возбужденія одними и тѣми же ошущеніями.

Изъ этого слѣдуетъ, что тѣ или другія ошущенія являются результатомъ не только воздѣйствія объективныхъ возбужденій, но также и особенностей строенія органовъ чувствъ; даже можно сказать, что этимъ послѣднимъ принадлежитъ первенствующая роль. У насъ есть извѣстныя субъективныя условія, опредѣляющія воспріятіе качествъ вещей. Эти субъективныя условія обладаютъ тою же функціей, что и субъективныя формы пространства и времени.

По мнѣнію Гельмгольца, формы сознанія можно сопоста-

вить съ чувственными качествами еще въ одномъ отношеіи.

По Канту, пространство есть субъективная форма интуиціи. Для физиологіи чувственныя качества суть также формы интуиціи, т.-е. представляютъ собою нѣчто исключительно субъективное. Наша способность ощущать цвѣта, звукъ и т. п. такъ же субъективна, какъ и способность располагать ощущенія въ пространственной формѣ. „Нашъ глазъ,—говоритъ Гельмгольцъ,—воспринимаетъ цвѣта, какъ агрегатъ извѣстныхъ плоскостей на зрительномъ полѣ; это его форма созерцанія“, другими словами, то обстоятельство, что мы воспринимаемъ пространство извѣстнымъ образомъ, опредѣляется законами нашей организаціи, подобно тому, какъ воспріятіе чувственныхъ качествъ опредѣляется свойствами организаціи нашихъ нервовъ“.

Ближе къ Канту въ отождествленіи условій воспріятія съ апріорными формами находится А. Ланге ¹⁾, который, впрочемъ, былъ подъ несомнѣннымъ вліяніемъ Шопенгауэра и Гельмгольца.

По мнѣнію Ланге, чтобы отвѣтить на Кантовскій вопросъ, „какъ возможенъ опытъ“, нужно допустить нѣкоторыя субъективныя условія, которыя дѣлаютъ его возможнымъ, и которыя Ланге называетъ апріорными. Безъ наличности этихъ условій не было бы возможности объяснить возникновеніе опыта.

То обстоятельство, что мы вообще имѣемъ опытъ, обусловливается во всякомъ случаѣ *организаціей* нашего мышленія, и эта организація существуетъ до опыта, она является условіемъ опыта. Не что иное, какъ изысканіе этихъ первыхъ условій всякаго опыта въ мышленіи и чувственности и есть ближайшая цѣль критики чистаго разума“. Ланге находитъ, что такого рода апріорныя условія находятся въ каждомъ актѣ познанія. Для того, чтобы феноменъ человѣческаго представленія, природа, возникла

¹⁾ Lange. Geschichte des Materialismus. 1875. В. II, стр. 36 и д. (русск. пер.).

при соприкосновеніи съ внѣшнимъ міромъ, намъ нѣтъ надобности въ готовыхъ представленіяхъ, но для этого необходимы извѣстныя условія, необходима особая организація познающаго субъекта. Для возможности опыта должны существовать предварительныя условія, которыя, по мнѣнію Ланге, являются продуктомъ „психофизической организаціи“.

Ланге кажется, что самый вопросъ объ апіорныхъ условіяхъ познанія можетъ быть сдѣланъ болѣе нагляднымъ, если мы выразимъ его *физиологически*. Онъ выражаетъ надежду на то, что впослѣдствіи окажется возможнымъ опредѣлить, какіе физиологическіе процессы соотвѣтствуютъ тѣмъ или инымъ апіорнымъ условіямъ. „Можетъ быть,— говоритъ онъ,— можно будетъ найти основаніе понятія причинности въ механизмѣ рефлексивнаго движенія и симпатическаго возбужденія. Тогда мы Кантовскій Чистый Разумъ перевели бы на физиологію и сдѣлали бы его такимъ образомъ болѣе нагляднымъ“.

Апіорными оказываются вообще всѣ психофизическія условія познанія и воспріятія. Такъ какъ физиологія органовъ чувствъ показала, что наше познаніе внѣшняго міра обусловливается особенностями строенія нашихъ органовъ чувствъ, то и Ланге, подобно Гельмгольцу, пришелъ къ сопоставленію апіорныхъ элементовъ познанія съ физиологическими условіями воспріятія. Поэтому въ его глазахъ „физиологія органовъ чувствъ есть развитой или оправданный кантіанизм“.

Теперь мы рассмотримъ, въ какой мѣрѣ были правы тѣ, которые отождествляли апіорныя формы познанія съ психофизиологическими условіями воспріятія. Правда, что и апіорныя формы и психофизическая организація являются „условіемъ“. Справедливо также, что между наличностью физиологическихъ условій воспріятія чувственныхъ качествъ и апіорностью понятій пространства и времени есть то общее, что и тѣ, и другія существуютъ независимо отъ опыта. Для всѣхъ ощущеній существуютъ условія, т.-е. опредѣленныя

свойства физиологическихъ аппаратовъ, условія, которыя получаютъ не изъ опыта, подобно тому, какъ для познанія существуютъ въ качествѣ условій формы пространства и времени. Далѣе между ними есть то общее, что какъ одни, такъ и другія субъективны, т.-е. какъ первыя присущи нашему физическому существу, такъ вторыя присущи нашему духовному существу.

Но этихъ пунктовъ сходства совершенно недостаточно для ихъ отождествленія.

Изъ того, что извѣстныя физиологическія условія являются предварительнымъ *условіемъ* того или другого воспріятія или ощущенія, нѣтъ никакихъ основаній для сопоставленія ихъ съ апріорными понятіями, потому что когда мы говоримъ объ обусловливаніи при помощи апріорныхъ понятій, то рѣчь идетъ только лишь объ отношеніи понятій, о *логическомъ* отношеніи понятій или представленій; когда же мы говоримъ о физиологическомъ обусловливаніи, то мы имѣемъ въ виду наличность тѣхъ или другихъ *физиологическихъ* условій. Между тѣмъ какъ физиологическое апріори есть организація, органъ, форма находится въ сознаніи. Такъ какъ теорія познанія имѣетъ дѣло только съ условіями опыта, которыя выражаются въ формѣ представленій и понятій, то физиологическая апріорность не входитъ въ ея область.

Аналогія между физиологической апріорностью и апріорностью понятія совершенно не уясняетъ сущности апріорности, можетъ легко ввести въ заблужденіе. Такъ какъ физиологическія условія существуютъ *до* возникновенія ощущенія, то это отношеніе включаетъ хронологическое отношеніе между тѣмъ, что обусловливаетъ, и тѣмъ, что обусловливается. Въ понятіи логической апріорности такого отношенія нѣтъ. Въ одномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ временнымъ предшествованіемъ, какъ это бываетъ въ случаѣ обусловленности физиологическими условіями, которыя реально предшествуютъ, между тѣмъ какъ въ предшествованіи апріорныхъ понятій этого не бываетъ. Въ ихъ обу-

словленности нѣтъ такого хронологическаго предшествованія, есть только лишь логическое отношеніе.

Хотя дѣйствительно между одной и другой обусловленностью и есть извѣстное сходство, но въ то же время есть настолько существенное различіе, что лучше было бы не приводить ихъ въ связь, потому что въ противномъ случаѣ это легко можетъ привести къ ложной мысли, что между врожденностью анатомическихъ условій и апіорными понятіями есть что-либо общее.

„Качества ошущеній, по мнѣнію Гельмгольца, суть только формы интуицій“; они представляютъ нѣчто субъективное; въ такомъ же смыслѣ, по его мнѣнію, субъективнымъ Кантъ считаетъ пространство и время. Пространство по Канту не принадлежитъ міру дѣйствительности точно такъ же, какъ и цвѣта, которые мы видимъ, не принадлежать къ тѣламъ самимъ по себѣ, но вносятся въ нихъ нашимъ глазамъ. Пространство, по мнѣнію Гельмгольца, въ такомъ же смыслѣ субъективно, въ какомъ субъективны цвѣта.

Несомнѣнно, конечно, что представленіе пространства, вообще говоря, такъ же субъективно, какъ и ошущеніе цвѣтовъ. Но если говорить о пространствѣ, какъ формѣ познанія, то, признавая его субъективность, мы не должны забывать о томъ различіи, какое существуетъ между субъективностью чувственнаго качества и субъективностью пространства, въ томъ смыслѣ, въ какомъ этотъ терминъ употребляется Кантомъ. Если мы утверждаемъ субъективность чувственныхъ качествъ, то мы подъ этимъ понимаемъ то, что эти качества не имѣютъ объективнаго характера, что они обусловливаются только особенными свойствами нашего физиологическаго аппарата; они суть нѣчто въ насъ находящееся. Между тѣмъ, когда пространство обозначается какъ субъективная форма познанія, то подъ этимъ понимается нѣчто совсѣмъ иное. Въ то время, какъ, напримѣръ, ошущеніе цвѣта у различныхъ индивидуумовъ можетъ быть различнымъ въ зависимости отъ особенности строенія органовъ чувствъ, пространство, какъ извѣстная форма, какъ извѣст-